

Содержание

ПРОЛОГ	9
--------	---

I. БОГАЧИ И МЕРТВЫЕ ПТИЦЫ

1. НЕВЗГОДЫ АЛЬФРЕДА РАССЕЛА УОЛЛЕСА	24
2. МУЗЕЙ ЛОРДА РОТШИЛЬДА	59
3. ПЕРЬЕВАЯ ЛИХОРАДКА	65
4. ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПТИЦ	72
5. ВИКТОРИАНСКОЕ БРАТСТВО ВЯЗАТЕЛЕЙ ЛОСОСЕВЫХ МУШЕК	81
6. БУДУЩЕЕ ЛОСОСЕВЫХ МУШЕК	95

II. ОГРАБЛЕНИЕ В ТРИНГЕ

7. БЕЗ ПЕРЬЕВ В ЛОНДОНЕ	120
8. ПЛАН ПРОНИКНОВЕНИЯ В МУЗЕЙ.DOC	132
9. ДЕЛО О РАЗБИТОМ ОКНЕ	142
10. «ВЕСЬМА НЕОБЫЧНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ»	150
11. ПО ХОЛОДНЫМ СЛЕДАМ ГОРЯЧЕЙ КРАЖИ	159
12. FLUTEPLAYER 1988	169
13. ЗА РЕШЕТКОЙ	175
14. ГОРИ В АДУ	180
15. ДИАГНОЗ	187

16. ЗАЩИТА «ПО АСПЕРГЕРУ»	192
17. ПРОПАВШИЕ ПТИЦЫ	201

III. ПРАВДА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

18. 21-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ВЯЗАНИЮ МУШЕК	210
19. ПОТЕРЯННАЯ ПАМЯТЬ ОКЕАНА	220
20. ЗА УЛИКАМИ НА МАШИНЕ ВРЕМЕНИ	238
21. ФЛЕШКА ДОКТОРА ПРАМА	251
22. «Я НЕ ВОР»	266
23. ТРИ ДНЯ В НОРВЕГИИ	283
24. ИСЧЕЗНУВШИЙ МИКЕЛАНДЖЕЛО	307
25. ЛЮДИ И ПЕРЬЯ	320
БЛАГОДАРНОСТИ	333
ЗАМЕТКИ	340
ОБ ИСТОЧНИКАХ	357
БИБЛИОГРАФИЯ	359
ОБ АВТОРЕ	366

Мари-Жози

*C'était tout noir et blanc
avant que tu aies volé et atterri
dans mon arbre*

Человек редко довольствуется созерцанием
красоты. Он жаждет ею обладать.

*Верховный вождь сэра Майкл Сомаре,
премьер-министр Папуа Новой Гвинеи*

1979

ПРОЛОГ

Был весьма поздний вечер, когда Эдвин вышел из поезда на станции Тринг, что находится в сорока милях к северу от Лондона. Обитатели этого сонного городка уже доели свой ужин и уложили детей спать. Оставив Мидлендскую железную дорогу постепенно растворяться в темноте за спиной, Эдвин начал свой долгий путь со станции в город.

За несколько часов до этого Эдвин выступал в программе Королевской музыкальной академии «Звучащий Лондон», посвященной Гайдну, Генделю и Мендельсону. На время концерта он оставил в шкафчике большой дорожный чемодан на колесиках, в котором лежали пара латексных перчаток, миниатюрный светодиодный фонарик, кусачки и алмазный стеклорез. Внешне Эдвин чем-то напоминал Пита Таунсенда*, — за исключением разве что, высокого роста. У него были выразительные глаза, выдающийся нос и пышные волосы. Однако Эдвин не терзал «Фендер»**, а играл на оркестровой флейте.

* Пит Таунсенд, — рок-гитарист, певец, основатель, лидер и автор почти всех песен группы “The Who” — Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

** Fender — известная марка электрогитары.

Было новолуние, так что и без того темный участок дороги казался совсем мрачным. Почти час Эдвин волок свой чемодан по обочине, по грязи и гравию, под кривыми ветвями старых, увитых плющом деревьев. К северу спал Терлейнджерский лес, к югу — Честнатский лес, впереди расстилались поля под паром, перемежаемые редкими рощами.

Мимо промчалась машина, ослепив молодого человека светом фар. В ушах застучал адреналин. Эдвин понял, что приближается к цели. Въезд в Тринг, — город, известный своими ярмарками, — охраняет паб под названием «Робин Гуд», построенный еще в XVI веке. Несколькими улицами выше, угнездившись между старой пивоварней Тринга и отделением банка HSBC, находится пешеходный проход. Местные называют его Банковским переулком. В ширину он не больше двух с половиной метров, а по обеим сторонам тянутся двухметровые кирпичные заборы.

Эдвин проскользнул в крошечную темноту переулка. Он пробирался на ощупь, пока не очутился позади здания, которое изучал несколько месяцев.

Теперь от цели его отделял только забор. Поверху забора шли витки колючей проволоки, что могло бы существенно помешать планам, — если бы Эдвин не прихватил кусачки. Прodelав дыру, он поднял наверх чемодан, взобрался сам и тревожно огляделся. Охраны не было видно. От верхушки забора, на который он забрался, до ближайшего окна здания было около метра. Свалившись, Эдвин мог бы себе что-нибудь повредить, — или, еще хуже, поднять шум, который привлечет внимание охраны. Но молодой человек знал, что эта часть пути будет сложной.

Устроившись на верхушке забора, он дотянулся до окна стеклорезом и принялся царапать стекло. Резать оказалось гораздо труднее, чем он думал. Во время сражения со стеклом инструмент выскользнул у него из пальцев и свалился вниз, в зазор между зданием и забором. Мысли Эдвина заметались. А вдруг это знак? Он заколебался, думая, не оставить ли свой безумный план. Однако тот же внутренний голос, который не давал ему покоя последние несколько месяцев, вскричал: «Ну-ка постой! Столько всего сделано, а ты хочешь так просто взять и сдать?»

Эдвин спустился обратно на улицу и подобрал камень. Побалансировав на верхушке забора, он огляделся, не идет ли охрана, а затем разбил окно и пропихнул свой чемодан в ощерившийся осколками проем. После чего пробрался в Британский музей естествознания сам.

Не подозревая, что сработала сигнализация, Эдвин вынул фонарик, отбрасывающий слабый луч света, и направился по коридору в сторону хранилища, — путь, который он не раз проигрывал в своей голове.

Коридор за коридором, бесшумно катя за собой чемодан, он подбирался все ближе к вещи, которую считал самой прекрасной на свете. Если он сумеет повернуть это дело, то станет известным, богатым и знаменитым. Все его проблемы решатся сами собой. Он этого заслуживает.

Эдвин вошел в хранилище, где сотни больших белых шкафов выстроились в ряд, словно стражи, и приступил к делу. Поймав раскатившиеся нафталиновые шарики, он выдвинул первый ящик. Задрожав, его пальцы коснулись десятка красногрудых плодоедов. Этих птиц натуралисты и биологи столетиями собирали в лесах и джунглях

в облачных лесах провинции Чирики, что на западе Панама. В настоящее время, несмотря на защиту разных международных конвенций, этот вид находится на грани вымирания из-за повсеместной вырубке лесов. Квезалов (больше метра в длину вместе с хвостовыми перьями) было особенно трудно запихнуть в чемодан, однако Эдвин умудрился упаковать тридцать девять штук, туго, но осторожно свернув их длинные развевающиеся хвосты.

Пройдя дальше по коридору, он распахнул еще один шкаф, в котором, на этот раз, хранились виды семейства котинговых из Южной и Центральной Америки. Эдвин вытащил четырнадцать тушек синей настоящей котинги, возрастом около ста лет, двадцать одну тушку ошейниковой настоящей котинги и еще десять тушек галстучной настоящей котинги, — вида, находящегося на грани исчезновения, вся популяции которого насчитывает около двести пятидесяти взрослых особей.

В соседних ящиках располагались выюрки и пересмешники с Галапагосских островов, собранные Дарвином во время путешествия на «Бигле». Именно они помогли ученому разработать теорию эволюции путем естественного отбора. Среди наиболее ценных экспонатов музея были шкурки и скелеты вымерших птиц вроде додо, бескрылой гагарки и странствующего голубя, а также издание Джона Джеймса Одюбона «Птицы Америки» сверхбольшого размера. В целом, музей владел одной из самых больших в мире коллекций орнитологических образцов: семьсот пятьдесят тысяч тушек птиц, пятнадцать тысяч скелетов, семнадцать тысяч заспиртованных тушек птиц, тысячи гнезд и четыреста тысяч наборов яиц, столетиями собираемых в самых дальних лесах, горах, джунглях и на болотах всего мира.

Впрочем, Эдвин пробирался в музей совсем не ради каких-то неприглядных вьюрков. Он уже потерял счет времени, проведенному в хранилище, когда, наконец, подкатил свой чемодан к большому шкафу. Скромная табличка гласила, что здесь находятся райские птицы. За считанные секунды музей лишился тридцати семи королевских райских птиц, двадцати четырех великолепных щитоносных райских птиц, двенадцати чудных райских птиц, четырех синих райских птиц, и, напоследок, семнадцати огненных шалашников. Эти безукоризненные экземпляры, вопреки ничтожным шансам пойманные в девственных лесах Новой Гвинеи и Малайского архипелага 150 лет назад, отправились в эдвинов чемодан. На табличках, привязанных к лапкам, значилось имя натуралиста-самоучки, чье открытие довольно сильно напугало самого Дарвина: А. Р. Уоллес.

Охранник глянул на ряд мониторов, показывающих записи камер с парковки и музейного двора. Потом отправился на рутинный осмотр, обходя коридоры, проверяя двери и оглядывая помещения на предмет чего-нибудь подозрительного.

Эдвин уже давно потерял счет количеству птиц, попавших ему в руки. Изначально он планировал отобрать только самые лучшие экземпляры. Но, увлекшись грабеджом, стал хватать и набивать чемодан всем, что под руку попадется, — пока тот не перестал закрываться.

Охранник вышел на улицу, чтобы обойти здание снаружи. Он оглядел окна и посветил фонариком на стену, отделяющую музей от Банковского переулка.

Эдвин стоял перед разбитым окном, обрамленным острыми осколками. Пока что все, за исключением упавшего стеклореза, шло по плану. Осталось только перебраться

обратно через окно, не разрезав себя на куски, и раствориться в уличной темноте.

• • •

Впервые я услышал про Эдвина Риста, стоя по пояс в воде Ред-Ривер, которая прокладывает себе путь через горы Сангре-де-Кристо в Нью-Мексико, на севере округа Таос. Я готовился закинуть наживку, и наполовину выпущенная леска энергично трепетала позади меня над ручьем, чтобы по мановению руки полететь вперед и выхватить из воды золотобокую форель. По мнению Спенсера Сейма, моего инструктора по рыбной ловле, эта форель абсолютно точно пряталась где-то посередине потока, за валуном со средних размеров автомобиль. Спенсер чувствовал рыбу под бревнами, в белой пене бурных течений, в черноте глубоких омуты и в хаосе бурлящих водоворотов. Сейчас он предсказывал, что тридцатисантиметровая форель плещется недалеко от поверхности воды в ожидании жирной мухи, и просто обязана клюнуть, если я правильно закину удочку.

— Он забрался в музей, чтобы украсть... что?! — Я так удивился, что у меня сорвалась рука. Леска хлестнула по воде, и любая форель, которая там была, метнулась прочь. — Тушки птиц?

До сих пор мы переговаривались шепотом, чтобы не испугать рыбу, и аккуратно подбирались, следя за солнцем и отбрасываемой тенью. Но я просто не смог сдержать свое удивление. Спенсер еще не начал ничего толком рассказывать, а история уже казалась одной из самых странных, что я слышал.

Обычно во время рыбалки ничто не способно нарушить мою концентрацию. Если я не рыбачу, то считаю

недели и дни до момента, когда смогу натянуть рыболовные сапоги и забраться в реку. Я оставляю мобильник надрывать в багажнике, пока не сядет аккумулятор, сую в карман горсть орехов, чтобы заглушить голод, и пью прямо из реки, когда чувствую жажду. В удачный день я могу идти по течению часов восемь без перерыва, не встретив ни единой живой души. Только это на время и вносит спокойствие в тот вихрь неурядиц, в который превратилась моя жизнь.

Семь лет назад я работал в Ираке, координатором по восстановлению города Фаллуджи, под началом Агентства США по международному развитию. Там я заработал посттравматический синдром. Однажды, во время отпуска, я впал в состояние диссоциативной фуги и выпал из окна во время приступа лунатизма, разбившись едва ли не насмерть. У меня были сломаны челюсть, нос и оба запястья, и буквально расколот череп. Мое лицо пересекали шрамы от ран, и я боялся спать, чтобы мозг опять не сыграл со мной злую шутку.

Пока я восстанавливался, моих иракских коллег — переводчиков, инженеров-строителей, учителей и врачей, — начали преследовать и убивать свои же сограждане, за то, что те «продались» Соединенным Штатам. Я дал об этом интервью в «Los Angeles Times», наивно полагая, что кто-нибудь из сильных мира сего сможет все быстро исправить, выдав пострадавшим визы, позволяющие перебраться в США. Я совершенно не ожидал, что после интервью на меня обрушатся тысячи писем из Ирака с просьбами о помощи. В то время я сам был безработным и ночевал на матрасе в подвале тетушкиного дома. О помощи беженцам я не знал ровным счетом ничего, поэтому просто начал составлять список тех, кто мне писал.

Через месяц я основал некоммерческую организацию «List Project» и следующие несколько лет боролся с Белым Домом, обхаживал сенаторов, собирал добровольцев и кланчил пожертвования, чтобы платить зарплату своим сотрудникам. За эти годы нам удалось перевезти в безопасное место тысячи беженцев, но было ясно, что мы не сможем спасти всех. На одну победу приходилось пятьдесят прошений, замороженных государственной бюрократией, которая видела в каждом бегущем из Ирака потенциального террориста. К осени 2011 года, по мере приближения официального конца войны, я запутался в сетях своего собственного создания. Десятки тысяч иракцев и афганцев продолжали бежать, спасая свои жизни. Требовался не один десяток лет, чтобы помочь им всем, но мне никогда не удавалось собрать средств больше, чем на год работы. С «окончанием войны», — в представлении американского обывателя, — это должно было стать еще тяжелее.

Каждый раз, когда мне казалось, что я готов сдать-ся, я получал еще одну безнадежную просьбу от одного из бывших иракских коллег, и начинал стыдиться своей слабости. Однако правда была в том, что у меня действительно заканчивались силы. После несчастного случая я не мог просто так взять и заснуть, так что выстраивал в бесконечную очередь самые скучные сериалы, которые только мог найти на Нетфликсе. Каждое утро я просыпался навстречу новой волне просьб о помощи.

Внезапно, некоторое облегчение мне начала приносить рыбалка. На реке не было ни звонков журналистам, ни поиска спонсоров, только течение и насекомые, да играющая форель, которую надо было ловить. Даже время текло не так, как всегда: пять часов пролетало за

Спенсеру было около сорока, и он носил короткую стрижку и длинные бакенбарды. У него оказался заразительный смех, и, как это обычно бывает с хорошими гидами, с ним было очень легко общаться. Мы мгновенно нашли общий язык. Пока мы рыбачили, он научил меня нескольким приемам и долго рассуждал про цикл жизни местных насекомых. Не было ни одного камня, птицы или жука, которых этот скаут-орел* не мог бы назвать. Казалось, он лично знаком с каждой здешней форелью. «В прошлом месяце я уже ловил эту заразу на ту же самую удочку, не могу поверить, что она снова клюнула!»

Неудачным броском я запутал леску вместе с искусственной мушкой в кустах можжевельника, растущего по берегам реки, и содрогнулся. Нахлыстовые мушки для ловли форели, — эти небольшие кусочки лосиной шерсти и кроличьего меха, вместе с плюмажем из петушиных перьев обернутые вокруг крохотного крючка — уже обошлись мне в целое состояние. Они должны были изображать разных насекомых, чтобы обмануть рыбу и заставить ее заглотить наживку.

Спенсер только лишь рассмеялся. «Закидывай мои. Вот, все эти я сделал сам». Он раскрыл выдвижной ящик, и перед моими глазами предстали сотни поплавков, спиннеров, стримеров, нимф, эмеджеров, стимуляторов и сухих мушек**. Там были и черви Санхуан, разрисованные в индейском стиле, и яйца насекомых, окрашенные под кристаллы метамfetамина из сериала «Во

* Скаут-орел (eagle scout) — высший ранг, присваиваемый в организации американских скаутов.

** Разновидности нахлыстовых мушек, которые используются при ловле форели.